

Џрќа Хортица –
суперведьма!

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ИРКА ХОРТИЦА –
СУПЕРВЕДЬМА!»:

ФАН-КЛУБ КОЛДОВСТВА
ВЕДЬМИНО НАСЛЕДСТВО
КОЛДОВСКОЙ КВЕСТ
МАГИЯ БЕЗ ПРАВИЛ
ВОИН СНОВИДЕНИЙ
ТЕНЬ ДРАКОНА
ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА
ГРОЗЫ
ГОСТЬ ИЗ ПЕКЛА
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ВЕДЬМЫ

Алона Волынская
Кирилл Кашеев

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ВЕДЬМЫ

Москва

2013

ЭКСМО

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
В 70

Оформление серии *С. Киселевой*

Иллюстрация на переплете *В. Тимофеевой*

Волынская И.

В 70 День рождения ведьмы : повесть / Илона Волынская, Кирилл Кащеев. — М. : Эксмо, 2013. — 480 с. : ил. — (Ирка Хортица — суперведьма!).

ISBN 978-5-699-68024-5

Приближается день рождения Ирки Хортицы! Второго мая она станет полноправной ведьмой-хозяйкой. А еще к ней в гости обещал прилететь Айт, Великий Дракон Вод... Однако подготовиться к такому празднику непросто. Ирка должна правильно выполнить все весенние обряды: почтить предков, помянуть беспокойных покойников и призвать к порядку русалок – только тогда весна превратится в щедрое, урожайное лето, а совершеннолетие ведьмы-хозяйки станет настоящим праздником для ее земли. Ирка, ее друзья и даже бывшие враги очень старались сделать все как нужно. Но чем тщательнее приготовления, тем с большей вероятностью что-то пойдет... не по плану.

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-68024-5

© Волынская И., Кащеев К., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ДЕНЬ
РОЖДЕНИЯ
ВЕДЬМЫ

Часть I

ИРИЙ — ПРЕКРАСНЫЙ МИР ЗМЕЕВ

Глава I

На кисельных берегах реки Молочной

Река Молочная светилась в темноте абсолютно белым и впрямь молочным светом. Над водой горел ореол, такой плотный, что казалось, его можно зачерпнуть, как густые сливки, и так он и останется на ложке сверкающей белой пеной. Отсветы играли на красноватом суглинке, заставляя тот лосниться, будто берега Молочной слепили из клюквенного киселя. Иногда исходящее от воды сияние трепетало, как пламя охотничьего костра, и тогда в струях Молочной вспыхивали звезды и можно было разглядеть рисунок созвездий. Но это не было отражением — небо нависало черное, без единого огонька, из-за ходящих по нему темных облаков походило не на шелк или бархат, а скорее на лохматую звериную шкуру. Иногда в облачной пушистой шерсти вспыхивала короткая зарница и тут же гасла, так и не отозвавшись громом.

Едва заметная тропка тянулась сквозь густой прибрежный лес. За ночь ее уже успели заплести густые вьюнки. Если поутру, вырубая на ходу поросль, по тропе снова не пройдут люди, к следующему вечеру она окончательно утонет в зелени, став неотличимой от остальной чащобы. В густой траве, в плотно сплетенных кустах подлеска, в кронах деревьев непрерывно возились, пищали, вскрикивали сотни, а может, и тысячи невидимых в тем-

ноте существ — лес звенел жизнью, дышал жизнью, захлебывался жизнью. Огибая стволы громадных — в пять, в десять обхватов! — деревьев, тропа змейкой бежала сквозь это буйство и выкатывалась к деревеньке.

Деревня была совсем близко от реки, но сквозь высоченные и толстенные стволы старых деревьев никто бы и не разглядел прячущиеся за лесом дома. Белые, как сама Молочная, стены невысоких хаток светились сквозь ночную мглу. Крыши растворялись во мраке, хотя днем цепляли глаз пестротой: крыши ярко-зеленые, сплетенные из витых стеблей гороха; пылающие, как пожар, крыши из прихотливо вырезанных багровых листьев; волнистые, точно детские кудряшки, крыши, сложенные из кокетливо загнутых голубых лепестков — каждый лепесток размером с добрую простыню. Попадались и крыши из простой золотистой соломы, но тогда стены домов были не белыми, а, наоборот, расписными, изукрашенными диковинными птицами, цветами и плодами. Над отделанным резьбой колодцем склонился деревянный журавль — и впрямь искусно выпиленная фигура журавля с ведром в клюве. Деревеньку окружал высоченный, в два человеческих роста тын из вбитых в землю кольев. Если от деревеньки невозможно было глаз оторвать, то смотреть на тын было неприятно — темная густая жижа, покрывающая заостренные верхушки кольев, при одном взгляде вызывала ощущение тошноты. Рядом с плотно закрытыми и заложеными бревном воротами торчал столб. Верхушку украшали четыре грубо вытесанных мужских лица, обращенных на четыре стороны света. Лица эти, казалось, спали — едва намеченные резчиком веки были плотно закрыты.

Шурша ломкой травой, у тына выбралось существо, похожее на свинью. Только голова круглая, как шар, а во лбу торчал небольшой рог. Да и весило существо никак не меньше полутонны. Остановилось на почтительном расстоянии от ворот, запрокинуло круглую башку и шумно втянуло носом аромат человеческого жилья. С вызовом хрюкнуло и сделало шаг вперед. На обращенном в

его сторону лике резного столба точно красный ответ мелькнул. Существо угрожающе выставило рог... Веки деревянного лика медленно поднимались, открывая круглые дырки глаз, до краев налитые алым пламенем. Отсветы заматались по траве, и рот деревянного лика стал округляться, будто для крика. Багровые пятна света упали перед копытами рогатой «свиньи» — трава почернела и начала дымиться. «Свинья» испуганно взвизгнула и с невероятным для такого огромного тела проворством отпрыгнула назад. Слышно было, как ломается трава под прущей сквозь нее тушей и панически топочут копыта.

Деревянный рот сложился в насмешливую улыбку, вырезанные веки медленно опустились, гася багровое свечение, и четырехликий страж вновь застыл в покое и неподвижности. Деревенка спала, укутанная ночью, как теплым меховым одеялом.

Крылатая тень, стремительностью сравнимая с летучей мышью, а размерами — с удравшей рогатой «свиньей», пронеслась над тыном. Невысокая гибкая фигура соскользнула со спины «тени» и легко, будто вовсе ничего не весила, приземлилась прямо на кругло обтесанную верхушку страж-столба. Четыре лика стража продолжали спать. Неведомый прыгун застыл, балансируя на макушке столба. Изогнулся, сложившись в пояснице, будто у него и вовсе костей не было. Ме-едленно, ме-едленно гладкая и скользко-блестящая, как слизень, землисто-серая физиономия с острыми хрящеватыми ушами и сквозными дырочками вместо носа опустилась к тому лику стража, что глядел на деревню. Веки деревянного стража стали подниматься, багрово вспыхнул прячущийся под ними огонь... Оседлавшее верхушку стража существо вытянуло лоснящиеся черные губы — и плюнуло желто-зеленой жижей прямо в полные пламени глаза хранителя села. Огненные зеницы деревянного стража вскипели — жижка забурлила в пламени, почернела, стала густой, как смола. Вместо пылающих глаз теперь у стража были две сургучные блямбы. Глаза остальных

трех ликов распахнулись — багровые отсветы заматались по траве, по темному небу... но в сторону деревни не глядели! Все четыре деревянных рта открылись и пронзительно завопили!

Глава 2

Чудовища мертвого леса

Долгий вибрирующий вопль накрыл селение, раскатился на все четыре стороны, ворвался в лес, заставляя притихнуть живность. Громадные крылатые тени замелькали над деревней, как стрижи перед грозой. Гибкие, точно бескостные фигуры соскальзывали со спин крылатых на разноцветные крыши домов. В хате под цветочной крышей распахнулась дверь — полуодетый встрепанный парень выскочил на двор, сон еще глядел из его затуманенных глаз. Существо на крыше сигануло вниз — прямо ему на плечи! Удар швырнул парня оземь, вышибая дух. Жуткое существо, напоминающее чудовищного ежа с торчащими из спины иглами и человеческими руками-ногами, мгновенно оседлало его. Из ладони нападающего выметнулась игла, целя парню в горло...

— Тяв-тяв! — раздался гневный, пронзительный лай. Из похожей на длинную трубу будки выскочил дворовой ламя: змея с собачьей головой растянулась в прыжке... Собачьи челюсти лами с хрустом сомкнулись на запястье врага, а гибкое змеиное тело попыталось захлестнуться на горле — и с размаху напоролось на колючки. Они взвыли разом — ламя и человеко-еж. Поток крови брызнул на белоснежную стену хаты, оставляя будто выжженные черные пятна. Не прекращая завывать, ламя только крепче стиснул челюсти. Его хозяин откатился в сторону и кинулся к торчащему из колоды топору.

Другое существо, словно слепленное из человека и гигантского кузнечика, приземлилось рядом. Ударила похожая на зеленую зазубренную пилу лапа — рваная

рана перечеркнула грудь парня и тот молча рухнул, заливая двор своей кровью. Еще удар лапы-пилы, и голова верного лами взлетела в воздух, упав рядом с истекающим кровью хозяином. Мгновение «кузнечик» смотрел на распростертого на земле парня — в глядящих с почти человеческого лица неподвижных глазах насекомого не отражалось ничего. Потом оттолкнулся задними лапами и перемахнул через забор на соседний двор. Оттуда донесся крик...

Чуть дальше громадная землеройка на мохнатых обезьяньих лапах впиалась чудовищной пастью в покрытую узорчатыми листьями кровлю. В крыше возникла дыра, землеройка нырнула внутрь — раздалась пронзительные крики. Из расписанной узорами хаты выскочил немолодой сивоусый мужик. Этот успел схватить оружие — в руках у него был короткий меч. Дзанг! Мужик едва успел метнуться в сторону — в порог хаты вонзилось толстое, как вязальная спица, жало. Стоящий на задних лапах бескрылый комар-переросток попытался выдернуть завязшее в пороге жало. Подскочивший мужик рубанул мечом, но жало лишь спружинило, зазвенев гулко, будто сталь. Обломки деревянного порога брызнули во все стороны, и комар кинулся на противника. Удар-удар-удар, жало скрестилось с мечом... Сивоусый пятился, отступая под напором хрупкого на первый взгляд, но оказавшегося невероятно сильным врага. Выпад... Мужик отлетел назад, ударился спиной о стену собственной хаты, и тут же комариное жало потянулось к нему. Раздалось отвратительное чвяканье пробитой плоти — жало вошло мужику в плечо. Зазвенел выпавший из руки меч. Комар с усилием изогнулся, и насаженного на жало, как на пику, сивоусого вздернуло в воздух. Человек завис, отчаянно дергая ногами. Комар мотнул головой, страшивая противника с жала, — мужик грянулся оземь, забился, судорожно корчась от боли. Простоволосая баба с криком метнулась к нему из дома, чтобы отлететь прочь от хлесткого удара.

Крыши других домов точно взрывались, и оседлавшие их твари исчезали внутри — тишина сонной ночи сменилась пронзительными человеческими воплями и вовсе нечеловеческим стрекотанием и ревом. Люди кидались к дверям, прыгали в распахнутые окна хат, а за ними стремительными скачками неслись чудовищные, жутко искаженные существа. И над всем этим царил непрерывный надсадный вой деревянного стража и пронзительный, тонкий хохот.

— И-хи-хи-хи! Хи-хи-и-хи! — В отсветах бесполезных огненных глаз на макушке стража плясало, заходясь глумливым смехом, тонкое, гибкое, как червь, серокожее существо с длинными ушами.

— А-р-р-р! — раздался рев, и среди мечущихся багряных огней возник громадный воин. Венчавшую человеческие плечи голову тура украшали острые, изогнутые на концах рога. Человеко-тур стоял на задних копытах, а в передних руках — почти человеческих, если бы не покрывающая их густая шерсть — сжимал громадный топор. Багровое пламя из глазниц деревянного стража ударило в покрытую кожаной рубахой грудь воина-тура. Рубаха задымилась, тур взревел — остальные твари ответили ему скрежетом, пронзительным воем и визгом. Прилетевшая невесть откуда стрела ударила тура в закрытый роговыми наростами лоб и отскочила. Из глотки тура вырвался новый гневный вопль, и гигант вскинул топор над рогатой башкой... Серая тварь едва успела с визгом скатиться с макушки деревянного стража. Четырехликий столб распался пополам. Одна половинка с грохотом рухнула на деревенскую улицу, под ноги бегущим из домов людям.

Воцарившаяся тишина была как удар кулаком в живот. Люди замерли. Босые, простоволосые, неодетые, по большей части безоружные — лишь кой у кого в руках оказались длинные охотничьи ножи, да у одной бабы — расписной половник, видно, ухваченный впотьмах. Другой рукой баба прижимала к себе онемевшую от ужаса девочку лет десяти.

— Молчать! Всем молчать, человеки! — взревел тур, потрясая топором. — Бросай! Бросай, сказано! — взмахом топора тур указал на нож в руках у сжавшегося, как перед прыжком, мальчишки.

Мальчишка бросил. Серебристой рыбкой мелькнув во мраке, пущенный уверенной рукой охотника нож полетел прямо в глаз туру. Тур лишь едва шевельнул топором — будто от мухи отмахнулся. Сбитый в полете нож воткнулся в землю у тына. Новый взмах... Удар обухом обрушился на лоб мальчишки, и тот мешком осел к ногам односельчан. Истошный женский крик взвился над толпой...

— Молчать! — снова рыкнул тур, переворачивая в руке топор. — Следующего бью острием!

Молодая мать торопливо зажала рот расплакавшемуся малышу.

— Наземь ножи! Наземь! — ревел тур. Его чудовищные воины придвинулись ближе, кольцом окружая жмущихся друг к другу сельчан. Тур обвел толпу жгучим, полным животной ярости взглядом.

Ладони разжимались сами, и ножи валялись из обесилившихся рук в прохладную ночную пыль.

— И-хи-хи-хи! — гримасничающая и подпрыгивающая серая тварь вынырнула из-за угла дома, волоча за ногу человеческое тело. С неожиданной для такого хрупкого на вид существа силой тварь подняла тело над головой и швырнула на пришибленного обухом топора мальчишку. Паренек чуть постарше рухнул перед сельчанами, из груди его вырвался стон, давший понять, что парень жив. Голова безжизненно перекатилась, из-под волос сочилась кровь, смешиваясь с уличной пылью.

— И-хи-хи! — на неподвижное тело серая тварь бросила охотничий лук — перекрученный, изломанный, будто его жевали. — Лучш-шник! С-с-стрелок! — прошипела тварь, корчась от сотрясающего ее мелкого хохота.

— Мужчины — на колени! Руки за голову! — рявкнул тур. Кого-то из деревенских швырнули на колени его воины, кто-то угрюмо опустился сам. — Баб и детей — в

середины! Уймите ваших пискунов, человечки, пока их не заткнули мои воины! Пятеро — охранять этих! — взмахом топора тур снова указал на согнанных в кучу людей. — Остальные — искать!

Пятеро чудовищных воинов в молчании отделились от остальных и замерли рядом с людьми. Дрожащие женщины с ужасом косились на них, что-то торопливо шепча цепляющимся за подолы длинных вышитых рубах детишкам. Белая от страха молодка отчаянно укачивала хнычущего младенца. Жуткие солдаты воина-тура в безмолвии разбежались по брошенным человеческим домам. Продолжая хихикать и подергиваться, умчалась на четвереньках серая ушастая тварь. Слышно было, как в хатах грохочут перевернутые скамьи, скрипят под ногами захватчиков черепки битых горшков, жалобно вскрикивают безжалостно взломанные скрыни¹. И все это не зажигая ни единого огонька, в кромешной тьме, словно свет только мешал им.

Женщины тихо плакали. Кривились угрюмые мужики, точно каждый разбитый глечик² скреб их осколками по сердцу.

— Чего ищите-то? — угрюмо поглядывая снизу вверх на громадного тура, пробормотал один из мужиков. Покрытый гладким, как у лесного жука, темным панцирем кулак охранника немедленно въехал мужику в ухо, голова его мотнулась, будто шея была веревочная, из уха потекла струйка крови.

— Кого ищем — того найдем! — пророкотал тур, нависая над сельчанами. — Где ваш староста?

Ответом ему было угрюмое молчание и ненавидящие взгляды. Кулак охранника взвился над головой женщины. Баба вскрикнула и свернулась в комок, закрывая собой ребенка.

— Тута я! — прохрипел мрачный голос, и из задних рядов, тяжело опираясь на руку жены, выбрался сиво-

¹ Сундуки (укр.).

² Горшок (укр.).

усый. Пробитое плечо было наскоро перетянута оторванным куском рубахи — на белой ткани расплывалось алое пятно. — Чего надо? — староста угрюмо уставился на воина-тура.

Громадный топор со свистом вспорол воздух... остановившись у самой шеи старосты. Заточенное лезвие оставило на коже кровавую полосу. Старостиха глухо вскрикнула и ткнулась мужу в плечо, обхватив его обеими руками.

— Где он? — почти нежно пророкотал тур, лезвием топора заставляя старосту приподнять голову.

— Кто? — будто каркнул сивоусый, отводя взгляд от налитых яростью глаз тура. Старостиха прижалась к мужу еще крепче и дрожала всем телом.

— Не ври мне, человек! — рявкнул тур. — Где гонец от царствующих змеев?

— Який такой гонец? — строптиво забормотал староста, но взгляд его метался, как у пройдохи купчика на базаре.

— Сказано — не ври мне! — Топор прижался к шее старосты плотнее, так что тому пришлось запрокинуть голову, глядя прямо в безумные очи тура. — Гонец прибыл в вашу деревеньку, — продолжал тур. — Гонец не успел отсюда уйти. Гонец нужен моему господину. Где гонец, человек?

Староста захрипел — кромка лезвия взрезала кожу на шее.

Глава 3

Бесценный клад

— Клад! И-хи-хи-хи, я нашел клад! У них тут целый клад! — раздался дребезжаще-свистящий голосочек. Перед распахнутой дверью в крытый соломой амбар плясала серая ушастая тварь — извивалась, подпрыгивала, кор-